

АНТРОПОЛОГИЯ

В. Н. Адаев, А. Х. Машарипова

МЕЖДУ РЕКАМИ ВАХ И ТАЗ: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ¹

Представлены эпизоды селькупской истории в бассейне р. Вах и на сопредельной территории верхнего Таза в первой половине XVIII – начале XX в. Рассмотрены вопросы локализации Тымской и Караконской волостей, их дробности и соотнесенности с конкретными группами населения, освещены детали завершающегося процесса миграции селькупов и становления этнических границ между селькупам и хантами. Исследование основано на анализе и сопоставлении архивных данных с материалами предшествующих нашей историко-этнографических публикаций. В результате анализа были скорректированы ранее предполагавшиеся границы расположения Тымской волости на Вахе и соседней Караконской на Тазу. Установлено, что не позднее 1740 г. представители селькупской Караконской волости покинули Вах и она располагалась уже в бассейне Таза. Период относительно свободных миграций селькупов к середине XVIII в. уже завершился. Позднее на пространстве между Вахом и Тазом происходили лишь перемещения небольших селькупских и хантыйских групп, причем в обоих направлениях. Ограниченные контакты между населением двух бассейнов, значительно уменьшившись в начале XIX в., не прекращались и спустя столетие. Существенная часть ваховских селькупов и их элита в первые десятилетия XX в. сохраняли этническую идентичность. Окончательный разрыв связей селькупов верхнего Таза с Вахом и исчезновение общности ваховских селькупов произошло ближе к середине XX в.

Ключевые слова: *этнография Западной Сибири, миграции, этничность, Тымская волость, Караконская волость, Лярьяк*

Введение

Подразделение современных селькупов² на северную и южную группы, удаленных друг от друга на сотни километров таежного пространства, – общеизвестный этнографический факт. Хорошо известно, что данное положение стало следствием миграции: часть селькупского населения несколько веков назад ушла со Среднего Приобья на север. Обстоятельства состоявшегося переселения находятся в объективе изучения представителей целого ряда научных дисциплин: истории, этнографии, лингвистики, археологии и физической антропологии. Хотя острых дискуссий на этом поле уже давно не возникает, накопившаяся исследовательская разногласия по многим краеугольным пунктам представленной темы ощущается вполне отчетливо.

В настоящий момент сосуществуют достаточно противоречивые версии перехода селькупов на территории в границах современных ЯНАО и Красноярского края. У занимавшихся этой темой исследователей заметно различаются предполагаемые миграционные маршруты, их хронология и важные сопутствующие положения (например, где располагались ареалы исхода переселенческих групп; что послужило главным стимулом их миграции; освоили ли селькупы оленеводство на Тазу либо прибыли туда уже на своих оленях; каков был порядок заселения тазовского и туруханского бассейнов) (см.: Гемуев, 1983; Головнёв, Тучкова, 2012: 91–92; Долгих, 1960: 82–83; Лебедев, Соколова, 1982: 145–146; Напольских, 1997: 101–102; Пелих, 1981: 8–23; Пошехонова, 2015; Прокофьева, 1952: 90–93; Тучкова, 2020: 292–294 и др.).

¹ Исследование выполнено по госзаданию № 121041600045-8.

² Селькупы (остяки, остяко-самоеды) в ранний период русского освоения Обь-Иртышья населяли в основном ареал Нарымского Приобья (и, возможно, часть Сургутского), в документах XVII в. их присутствие фиксируется уже значительно севернее – в бассейнах рек Таз и Турухан. С этого же времени известны две инородческие волости, к которым принадлежали представители северной группы, – Тымская и Караконская. На начало XVIII в. Б. О. Долгих оценивал общую численность их населения примерно в 150 человек (Долгих, 1960: 80).

Серьезно подкрепить фактологией существующие версии или даже окончательно разрешить противоречивые толкования событий могут только комплексный анализ широкого спектра накопленных знаний и привлечение новых научных данных.

В отношении поиска новых сведений по истории северных селькупов весьма перспективным источником недостающей информации выглядит привлечение значительного корпуса архивных документов XVII–XIX вв.: путевых записей и отчетов православных миссионеров, деловой церковной переписки, рапортов чиновников, работников хлебозапасных магазинов и ясачных сборщиков, ревизских сказок, метрических книг и др. Причем в реконструкции процесса переселения селькупов целесообразно продвигаться постепенно: от относительно насыщенного историческими источниками XIX в. – к ранним этапам, события которых прорисовываются все более гипотетически.

В данной работе предлагается осветить эпизоды селькупской истории в бассейне р. Вах и сопредельной территории верхнего Таза в период с первой половины XVIII до начала XX в. Маршрут перехода селькупов через Вах в верховья Таза – один из немногих достоверно известных и подтвержденных источниками. Небольшие перетоки населения по нему в обоих направлениях фиксируются вплоть до середины XX в. Именно с исчезновением селькупского населения на Вахе – как вследствие переселения, так и в результате ассимиляции хантами – возникает территориальный разрыв между северной и южной группами селькупов. Таким образом, данный ареал и период времени имеют нетривиальное значение для истории северных селькупов. При этом здесь пока остается много неясного в локализации Тымской и Караконской селькупских волостей, их дробности и соотносительности с конкретными группами населения. До сих пор недостаточно изучены перипетии самого завершающегося процесса миграции селькупов и его документального оформления местными органами власти, становления этнических границ между селькупами и хантами. В настоящей статье мы попытаемся осветить поставленные вопросы, опираясь на архивные материалы и сопоставляя их информацию с опубликованными источниками и данными предшествующих исследований.

Основные версии, построенные на архивных данных. В обозначенных территориальных рамках наиболее значимый вклад в изучение истории северных селькупов в XVIII–XIX вв. на основе привлечения документальных источников внесли Б. О. Долгих, З. П. Соколова и Е. П. Мартынова. Причем все трое сделали это в рамках масштабного исследования, где селькупская тематика не находилась в центре внимания. С этим связаны неизбежная краткость изложения, а иногда и наличие каких-то неточностей/неувязок в подаче и интерпретации использованных делопроизводственных материалов. Представим тезисно выдвигавшиеся учеными положения.

Б. О. Долгих относил проникновение тымских и караконских селькупов на Таз и Турухан в основном к XVII в., подчеркивая, что происходить оно могло только через верховья Ваха. Он полагал, что там же тогда располагалась и Караконская волость. Более того, по мнению Б. О. Долгих, даже в XIX в. Караконская волость «*числилась в верховьях Ваха*». Выявленные автором источники свидетельствуют, что в первой половине XVII в. представители обеих волостей только эпизодически заходили в «самоедскую сторону» на р. Таз, а в 1668 г. в качестве места жительства тымских и караконских остяков начинают фигурировать уже оба бассейна – и ваховский, и тазовский (Долгих, 1960: 82–84).

З. П. Соколова писала относительно XVII–XVIII вв. уже о четырех Тымских волостях (по Ваху и Куль-егану, по Рате и Катке, по Тазу и Кудассе, по Вачилке и Толке³) и двух Караконских (по Ваху и Тазу), находившихся в пределах Сургутского округа. Предполагаемые

³ Перечисленные ваховские и тазовские притоки в настоящее время носят несколько изменившиеся, но хорошо опознаваемые названия. Приток Ваха Куль-еган – Кулынигол, притоки Ваха: Рата – Ратта, Катка (Покатка) – Покалькы, Кудасса – Худосей, Вачилка – Вэттылькы, Толка – Толька.

ареалы волостей были нанесены ей на карту (рисунок). В выводах исследовательница в основном опиралась на данные ревизской сказки 1782 г. Она указала, что «в Караконской волости на Вахе» было 137 человек, а «в Караконской волости на р. Таз» – 118. Проживавших по Тазу З. П. Соколова считала смешанным хантыйско-селькупским населением, а тымских остяков в бассейне Ваха – преимущественно хантыйским. Причем в системе брачных связей у тымцев и караконцев она отметила высокий уровень дуальной экзогамии (73–97 %) (Соколова, 1983: 77–83).

Наконец Е. П. Мартынова, опираясь на ту же ревизскую сказку 1782 г., писала относительно второй половины XVIII–XIX вв. об одной Караконской волости (без точной локализации) и четырех Тымских (по рекам Таз, Кульеган, Вачилка, Ипокатка). Согласно ее анализу, брачные связи тымских инородцев по Кульегану (бассейн Ваха) были в основном внутриволостными (44 %) и с представителями Лумпокольской волости (38 %). Эту тымскую группу, насчитывавшую 145 человек, Е. П. Мартынова предлагала идентифицировать на конец XVIII в. как «преимущественно хантыйское население», тогда как в отношении жителей трех других Тымских волостей и, очевидно, Караконской говорила о преобладании селькупского населения (Мартынова, 1998: 171, 175).

Свое видение на происхождение локальных групп северных селькупов и их расселение представил с привлечением архивных данных также И. Н. Гемуев. Однако опубликовано оно было в кратких тезисах, без ссылок на источники и касалось лишь XIX – начала XX в. И. Н. Гемуев писал, в частности, о селькупской группе лариатцев, к которой относил жителей верховий рек Вах (с притоками Сабун, Кулынигол, Карлик) и Тым. Он указал, что в 1820-е гг. часть ваховских лариатцев переселилась на тазовский приток Тольку, где была в существенной мере «охантыченной». Караконских селькупов он локализовал на притоках Таза Худосее и Кэтылькы, а на начало XIX в. – также в небольшом количестве и на Оби, ниже Сургута, предполагая, что к середине века они там растворились среди хантов или мигрировали на Таз (Гемуев, 1973: 126–128).

Привлечение новых данных и детальный анализ информации позволяют верифицировать и дополнить некоторые из представленных положений четырех исследователей, предложив скорректированную трактовку событий селькупской истории в бассейне р. Вах и прилегающем ареале верхнего Таза. Ее основные позиции следующие:

1. В конце XVIII в. селькупы Караконской волости уже полностью переселились на р. Таз. Второй Караконской волости на Вахе в этот период не было, а в ревизской сказке 1782 г. записаны две локальные группы караконцев, проживавших в бассейне Таза. Границы селькупских волостей на Вахе и верховьях Таза были несколько иными, нежели изображены З. П. Соколовой.

2. Масштабные миграции селькупов между бассейнами Ваха и Таза к середине XVIII в. уже завершились. Вплоть до конца XIX в. по этой линии фиксируются лишь нечастые переселения небольших групп селькупского и хантыйского населения, причем происходят они в обоих направлениях.

3. Относительно XVIII в. и значительной части XIX в. население Тымской волости на Вахе не может считаться хантыйским в плане его идентичности. Окончательная ассимиляция местных селькупов хантами произошла после затухания контактов с тазовскими сородичами в первой половине XX в.

Ниже мы постараемся обосновать каждое из выдвинутых положений, сверяясь с позициями вышеуказанных исследователей.

О Караконской волости на Вахе. Нахождение одной из Тымских волостей в бассейне Ваха в XVII–XIX вв. сомнений не вызывает. Версия о пребывании там и Караконской в XVIII в. (З. П. Соколова) или даже в XIX в. (Б. О. Долгих) повторяется и в работах других ученых,

не базировавшихся на собственных исследованиях ранних архивных документов. В этом случае они либо опирались на мнение вышеуказанных авторов (см., например: Тучкова, 2003: 8), либо находили иные подтверждающие источники. В частности, Г. И. Пелих писала о нахождении Караконской волости в ваховском бассейне на конец XIX в., ссылаясь на С. К. Патканова, который, «по данным 1897 г., помещает эту волость в верховья Ваха» (Пелих, 1981: 31). Однако если обратиться к работе Патканова, становится понятно: тот лишь отметил, что такие сведения значатся в рукописном полицейском списке от 1896 г. Ниже он высказался, что сведения эти не подтверждаются ни переписными материалами, ни картами, в связи с чем уже выразил «сомнение касательно принадлежности этой волости к Сургутскому округу» (бассейн Ваха находился как раз в его пределах), попутно указав, что к северу от границ округа в районе верхнего Таза известно созвучное с данной волостью по названию кочевье Караль-кы (Патканов, 1911: 127). То есть статистик не только не подтверждал нахождение Караконской волости на Вахе (волость отсутствует у него в табличных данных по Сургутскому округу), но и привел довод в пользу ее вероятной локализации на р. Таз.

Вернемся к основаниям версии Б. О. Долгих и З. П. Соколовой. Первый исследователь помещает Караконскую волость в верховьях Ваха, аргументируя тремя доводами: а) продвигаясь на Таз, селькупы не могли миновать Ваха; б) в процитированном им документе от 1668 г. наряду с Тазом Вах упоминается в качестве местожительства караконских остяков; в) еще в XIX в. Караконская волость числилась в верховьях Ваха (Долгих, 1960: 82, 83). По первым двум пунктам возражений нет – как минимум до второй половины XVII в. значительная часть караконцев, скорее всего, пребывала на Вахе. А вот третий аргумент приведен автором без отсылки на источник. Судя по приведенной им вариации названия – «Каракольская» волость – этим источником могла быть упомянутая работа С. К. Патканова, у которого именно в такой форме записано название административной единицы.

З. П. Соколова широко привлекала и обсуждала в своей работе материалы монографии Б. О. Долгих (1960), что, скорее всего, и повлияло на ее трактовку сведений ревизской сказки 1782 г. Дело в том, что в последней ревизии караконские остяки представлены в составе двух групп: а) Караконская волость Тазовского уезда, возглавляемая Тимофеем Кондиным (без указания расположения); б) Караконская волость на Тазу, Григорке и Часолке⁴ того же Тазовского уезда, возглавляемая князем Иваном Полевым (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 44: 273 об. 279). Первую из этих волостей, несмотря на отсутствие в документе каких-либо указаний на это, З. П. Соколова локализует в бассейне р. Вах.

Прежде всего акцентируем внимание на том, что до конца XVII в., учитывая высокую пространственную мобильность ясачного населения данного региона (как, впрочем, и многих других в Западной Сибири), понятие «инородческая волость» в большей мере было привязано к конкретным людям, нежели к административно-территориальному ареалу (Тучкова, 2003: 8). Поэтому волости вполне могли со временем перемещаться на другие земли полностью или частично, распадаться на части. Активное начало в данном случае оставалось за ясачным населением, представители государства в основном лишь фиксировали в документах произошедшие изменения. С другой стороны, ввиду дисперсного расселения северных селькупов, сборщикам ясака иногда было самым удобнее для лучшего контроля дробить широко раскинувшиеся волости на локальные коллективы, возглавляемые ответственными за передачу пушнины лидерами. Отсюда и возникали расположенные по соседству Тымская волость «на реке Вачилке и Толке», Тымская волость «по Рате и Покатке» и т. п. В пределах одного речного бассейна подобное дробление ясачных жителей можно считать достаточно условным, и потому З. П. Соколова вполне обоснованно изображает на своей схеме вместо трех Тымских волостей на Тазу одну общую. Что касается двух Караконских волостей, то на той

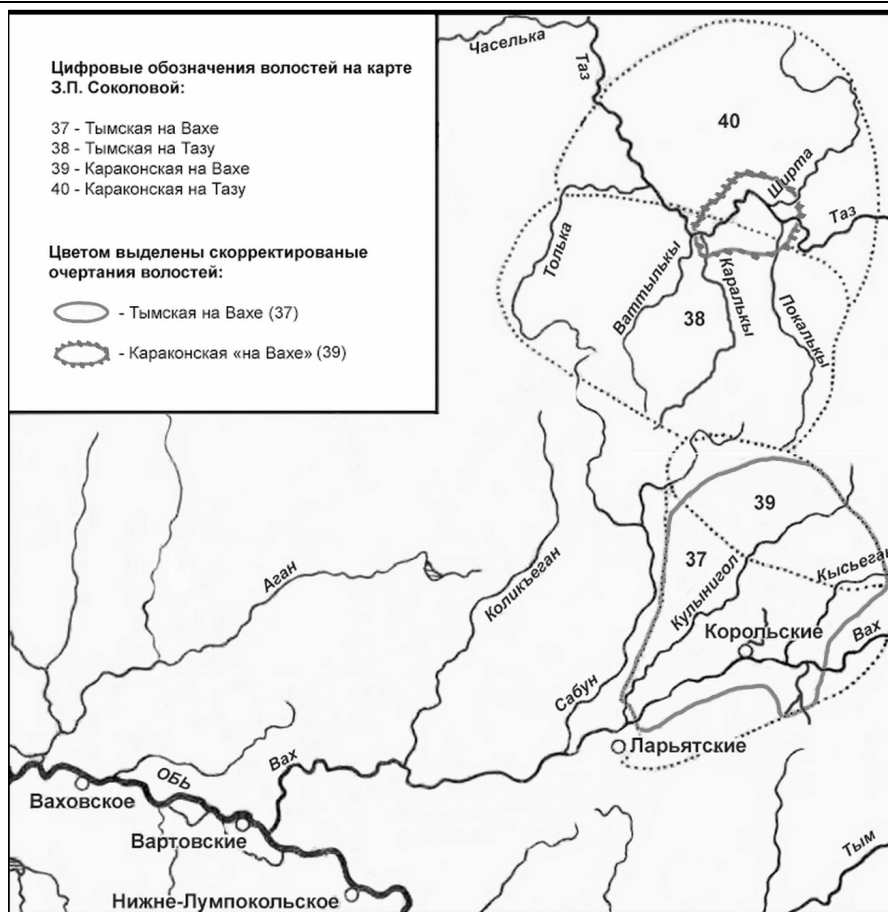
⁴ На современных картах: Григорка – Печчалыкы, Часолка – Часелька.

же схеме у нее одна тяготеет к правому берегу верхнего Таза, а другая, возглавляемая Тимофеем Кондиным и которую мы будем далее рассматривать, очерчена по верховьям правых ваховских притоков – Сабуну, Кулыниголу и Кысьегану.

Контраргументов, опровергающих нахождение второй Караконской волости в бассейне Ваха как минимум со второй половины XVIII в., довольно много: 1) отсутствие каких-либо подтверждений в тексте ревизской сказки 1782 г.; 2) при том, что все селькупские волости по Тазу и Ваху до 1770-х гг. состояли в приходе Тазовской Николаевской церкви, никто из караконских остяков, в отличие от тымских ваховской стороны, не жаловался, что они не могут посещать церковь на Тазу ввиду дальности расстояния (см.: ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 1413: 16); 3) в 1793 г. сотник Ильяков из рода Кондиных, к которому принадлежал Тимофей Кондин (Машарипова, 2022: 157) – предыдущий глава группы караконцев, живших, по версии З. П. Соколовой, в 1782 г. на Вахе, – отмечается протопопом Никифором Поповым, проживающим на Тазу (за Раттой и Покалькой возле Кычета) (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 1687: 1об.); 4) согласно той же ревизской сказке 1782 г., у селькупов Караконской волости вообще не значатся браки с тымскими на Вахе, только – с тазовскими тымскими (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 44: 285–296). При этом у тымских остяков на Вахе отмечены единичные семьи с женами из караконских родов, но основные брачные связи у них были внутриволостные и с хантами Лумпокольской волости (там же: 267–273). Это свидетельствует в пользу того, что их привычных брачных партнеров – караконских остяков – поблизости не было и уже достаточно давно.

Более того, есть веские основания полагать, что и на значительном отрезке первой половины XVIII в. караконских остяков на Вахе уже не было. На это указывает, например, сказка о новокрещеных инородцах реки Вах, составленная в 1751 г. священником «Тазовской стороны Тымской и Караконской волостей Николаевской церкви» В. Никифоровым. Священник дает подробный список юрт по всему ваховскому бассейну, включая притоки, с указанием волостной принадлежности местного населения. Никакой Караконской волости там не значится, указаны лишь Ларьяцкая (правильнее – Лумпокольская), не относящаяся к его приходу, и «Тымская Тазовского Николаевского приходу». В. Никифоров сетовал, что юрты его прихода из последней волости «от одного Николаевского прихода весьма состоят далеко, а именно в полторы и в две тысячи верстах» (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 1413: 1а-2об.). Отсутствие Караконской волости на Вахе фиксирует в 1740 г. и Г. Ф. Миллер. Он указал в качестве жителей Ваха остяков только двух инородческих волостей: Лумпокольской – от устья Ваха до р. Кульёган (ханты) и Тымской – в верховьях реки (селькупы) (Сибирь XVIII в., 1996: 209, 210). Скорее всего, это было давнее состояние дел, иначе исследователь, известный своей скрупулезностью, отметил бы состоявшийся уход представителей Караконской волости.

Те же источники позволяют уточнить границы расселения представителей Тымской волости на Вахе в середине XVIII в. (рисунок). Из записей Г. Ф. Миллера следует, что тымские селькупы жили по Ваху от впадения Кулынигола до впадения Комсесегана, а далее вверх по реке территория была безлюдна (там же: 211). Прилагаемый священником В. Никифоровым реестр местных поселений подтверждает, что юрты тымцев располагались на основном русле Ваха и по его притокам Кулыниголу, Карлику, Кысьегану и Комсесегану (ГАТО в Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 1413: 2-2об.). Поправки к карте З. П. Соколовой сводятся к следующему: а) верховья Сабуна в границы волости не включены, так как нет подтверждающих сведений; б) в северо-восточной части граница расширена по бассейнам освоенных тымцами притоков; в) восточный рубеж по руслу Ваха определен согласно информации Г. Ф. Миллера; г) южная граница приближена к основному руслу Таза, так как на удалении от коренного берега промысловых угодий не было (ОГКУ ГАТО. Ф. Р467. Оп. 1. Д. 8: 2). В отношении локализации соседствующей Караконской волости в тазовском бассейне мы

Селькупские волости на карте З. П. Соколовой и после корректировки

опирались на ясачную сказку 1782 г. и карту Сургутского уезда 1798 г., где указаны юрты верхнетазовских селькупов. Кроме того, сведения документов 1850–1870-х гг. позволяют предполагать, что некоторые караконцы-оленоводы кочевали зимой в верховьях Каралыкы и Покалькы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 6: 1–104 об.).

Миграции и перегруппировки. Многочисленные факты показывают, что основные процессы масштабного переселения селькупов происходили в XVII в. и ранее – тогда они сопровождались острыми столкновениями, нередко с кровопролитием. С XVIII в. миграции и кровавые конфликты резко сходят на нет, и мы наблюдаем уже только небольшие и все более редкие перемещения малых групп, которые могли переходить из одного речного бассейна в другой, меняя свою административную принадлежность (Долгих, 1960: 86). Административная привязка населения теперь препятствовала таким переходам, что влекло за собой длительную деловую переписку, споры и разбирательства со стороны ответственных и заинтересованных лиц (сборщики ясака, представители церкви, лидеры инородческих общин). Все это еще раз подкрепляет нашу позицию о местонахождении Караконской волости на Тазу как минимум со второй четверти XVIII в. – позднее такая крупная общность не могла переселиться с Ваха на Таз без громких конфликтов на местах и шлейфа бюрократических разбирательств в различных инстанциях. В подтверждение сказанного кратко остановимся на некоторых происшествиях, связанных со сменой местоположения и административной принадлежности селькупского населения в XVIII–XIX вв., каждое из которых по-своему показательны.

Административное отделение ваховских тымцев. Выше уже упоминалось, что тымские селькупы на Вахе изначально относились к приходу сильно удаленной от них Тазовской

церкви. Поэтому посещать церковь они отказывались и в жалобе Тобольскому митрополиту от 1753 г. были категоричны: «*В Тазу как родители наши, так и мы, прежде сего не живали, и ныне нам туда ходить невозможно, и в чужестранствии питаться будет нам нечем*» (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 1413: 16). После постройки на Вахе в 1772 г. Ларьякской Знаменской церкви местные тымцы настояли, что будут посещать ее. Однако добиться от Тобольской консистории официального перечисления в ларьякский приход им удалось лишь спустя 22 года (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 1687: 11). Смена прихода стала первым, а потому, быть может, наиболее сложным и ключевым шагом ваховских тымцев на пути административного отделения от соплеменников на Тазу. В начале XIX в., когда большой Сургутский уезд был ликвидирован, северные селькупские волости в бассейне Таза и Тымская на Вахе перешли в подчинение Туруханского округа Томской губернии. Власти Туруханска подошли к вопросу налогообложения новых инородческих волостей достаточно взвешенно, учтя мнение на местах, и ваховские тымцы вновь четко обозначили позицию. В 1807 г. кочевавшие по Кулыниголу остяки передали туруханскому сборщику ясака М. Юрлову Малому подписки, что «*желают быть под ведением Сургутского комиссарства и следующие государственные ясаки платить туда*» (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 278: 10). Лишь в мае 1848 г. эти ваховские тымцы в количестве своих 14 домохозяйств были перечислены Енисейской казенной палатой в Сургутское отделение (ГАКК. Ф. 160 Оп. 1 Д. 164: 133–139).

Уход группы Киприна. Архивные документы, связанные с населением р. Вах, не только показывают отсутствие выраженного инерционного движения селькупов на север в XIX в. (с Тыма на Вах и с Ваха на Таз), но и демонстрируют небольшой отток в обратном, южном направлении. Так, в 1850-е гг. около 50 караконских остяков (Киприны, Карсамины и Сапчины) под предводительством сотника Моисея Киприна удалились с тазовских притоков Корылькы и Покалькы в верховья Ваха. В обращении к Енисейскому губернатору они жаловались, что староста села Тазовского с казаками отнимают у них оленей и собирают недоимку за муку, которую они не брали. В связи с этим беглецы просили причислить их для сдачи ясака к Сургуту вместо Туруханска, находившегося теперь от них в двух тысячах верст (ГАКК. Ф. 595. Оп.19. Д. 6:1).

В 1859 г. им удалось при посредстве священника Вергунова причислиться к Ларьякскому приходу на Вахе (ОГКУ ГАТО. Ф. 170. Оп. 11. Д. 1262: 1-2об.). По поводу же смены административной принадлежности началась длинная тяжба, в которой на стороне ушедших выступило Главное управление Западной Сибири (Омск), а против – туруханские сборщики ясака и староста инородческой управы. В аргументах последних главный упор делался на неуплаченных долгах, дурном примере для остальных остяков и недостатке ездовых оленей для отбывания подводной гоньбы и прочих нужд (ГАКК. Ф. 595. Оп.19. Д. 6: 3–23).

Ушедшие были состоятельными оленеводами, следовательно, обладали относительно высоким уровнем достатка и свободой перемещения. Поэтому не удивительно, что они открыто отстаивали свои права и проявляли своеволие. В итоге возникла патовая ситуация: обратно на Таз беглецы не возвращались, но и легализовать свое новое место жительства не могли. Не помогло и то, что группа Киприна стала в 1860-е гг. платить ясак в Сургутском округе, отправляя подтверждающие квитанции Туруханскому заседателю (там же: 58 об., 70). Известия о присутствии группы в бассейне Ваха фиксируются в записях Ларьякской церкви вплоть до 1919 г. (ГА ХМАО. Ф. И1. Оп. 2. Д. 7: 64 об.). Несомненно, с информацией о тех же караконцах в 1897 г. пытался разобраться статистик С. К. Патканов – это и был тот самый информационный повод, породивший версию о нахождении одной из Караконских волостей на Вахе в XIX в. Переселение людей теперь уже не привело к перекройке границ волости, потому что новое местонахождение группы так и осталось нелегитимным.

Кунины на Тольке. Не позднее 1880-х гг. с верховьев Кулынигола на тазовский приток Тольку переселился с сыновьями Иван Кунин – родовой старшина Тымской волости. Позднее с ним ушли еще несколько семей Куниных, а также пара хантыйских семей Каткалевых и одна – Каминых (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И156. Оп. 15. Д. 92: 286 об.). Каткалевы и Каминины были значительно беднее Куниных и, вероятнее всего, работали пастухами в стадах последних. Постепенно данная группа расширила освоенный ареал, дойдя в начале XX в. по Тольке до Чертовых озер (ОГКУ ГАТО. Ф. Р467. Оп. 1. Д. 8: 9об.). Известно, что на 1921 г. численность «остяко-самоедов Лариатской управы» в Туруханском крае составляла 58 человек (Доброва-Ядринцева, 1925: 9, 12). К сожалению, нет информации об источниках, на которых основывалось мнение И. Н. Гемуева о состоявшемся переселении ларьякских селькупов на р. Толька еще в 1820-е гг. (Гемуев, 1973: 126–127). Нашими данными такое раннее присутствие не подтверждается. Кроме того, столетнее проживание на Тольке, скорее всего, дало бы группе гораздо более обоснованные права на местные угодья, нежели те, что будут представлены ниже.

Можно предположить, что уход группы на север был продиктован поисками пастбищ и лучших промысловых угодий. Самовольное переселение в бассейн другой реки не имело громких последствий, так как богатые оленеводы Кунины уже давно проживали на окраинных территориях водораздела Ваха и Таза. Кроме того, представители ушедшей группы продолжали ежегодно посещать Ларьяк и были одними из крупных поставщиков пушнины. По сведениям 1920-х гг. (Скалон, 1930: 135–139), на Тольке не было местных владельцев больших стад, а значит, группа Кунина изначально выигрывала в конкуренции за угодья с толькинскими селькупами. Определенные трения с последними были неизбежны при продвижении к Чертовым озерам, но группа к этому времени уже стала выгодным богатым соседом. Особенно большой авторитет благодетеля таежников приобрел младший сын Ивана Кунина – Ефим (Шата), репрессированный в 1933 г. советскими органами как кулак и «полуфеодал» (Судьбы народов, 1994: 200–203). В 1930-1950-е гг. часть группы выехала обратно на Вах, но несколько семей Куниных и Каткалевых так и остались жителями р. Толька (Степанова, 2016: 65).

По иронии судьбы в период первых советских реформ вновь сработало старое правило об административной единице, следующей за людьми. В 1928 г. родовые советы Ларьякского района сами определили границы своего региона на основании «исстари сложившихся» угодий, указав, «где мы промышляем белку, пасем оленей, а также кто нам мешает промышлять». В итоге в состав района на время попали и спорные территории (включая участки по р. Толька), где ваховцев «охотники-красноярцы бывало не пускали на охоту» (Ишбаев, 2019). В состав ЯНАО эти земли были переданы только в 1950-е гг.

Идентичность тымцев на р. Вах. В силу ограниченности объема статьи приведем лишь поздние сведения начала XX в., подтверждающие длительное сохранение этнической идентичности ваховскими селькупами. В 1912 г. Г. М. Дмитриев-Садовников записал рассказ ларьятского ханта, что в верховьях Ваха (юрты Карольские) «и сейчас живет» племя, которое «причисляется к остякам, но это – не остяки», их сородичи проживают в верховьях Таза. Племя было на Вахе еще до прихода остяков, отличалось языком и телосложением, но со временем подверглось влиянию остяков и усвоило их язык (Дмитриев-Садовников, 1915: 12–13). Данное наблюдение подтверждает, что селькупы, несмотря на существенную аккультурацию хантами, продолжали считаться последними отдельным народом. Причем собеседник этнографа был знаком лишь с селькупами, обитавшими по основному руслу Ваха, так как утверждал, что племя, «как и остяки, было безоленно». Среди тымцев, живших по Кулыниголу, были оленеводы, и они к началу XX в. гораздо меньше испытывали хантыйское влияние.

Анализ имеющейся информации показывает, что даже в первые десятилетия XX в. для части тымских жителей Кулынигола было свойственно двуязычие: с соседями они свободно

изъяснялись на хантыйском, между собой общались на селькупском, а русского большинство не знало (см.: ОГКУ ГАТО. Ф. Р467. Оп. 1. Д. 8: 5). Интересно наблюдение В. Н. Скалона, что представители проживавшей по Тольке группы Шаты, «не имея живой связи с Вахом», в значительной степени усвоили селькупский язык и даже между собой общаются на «местном языке», а молодежь в некоторых семьях уже и вовсе не знает хантыйского (Скалон, 1930: 131). На самом деле связь группы с Вахом была устойчивой, и селькупы просто говорили на своем языке, а к тем семьям, где молодежь «еще разговаривала» по-хантыйски, скорее всего, относились ханты-пастухи. Кстати, и К. Доннер в 1910-е гг. встретил в верховьях Кулынигола старика, понимавшего «язык самоедов» (Доннер, 1926: 105), то есть селькупский. Из всего этого можно сделать вывод, что свой язык и, вероятно, какие-то элементы традиционной культуры в основном сохраняли кочевые селькупы-оленеводы из группы Кунина и, что особо значимо, именно их представители на протяжении веков были лидерами Тымской волости на Вахе.

Немаловажно, что ограниченное сообщение между селькупским населением Таза и Ваха поддерживалось и в первой четверти XX в. Речь идет не только о группе Кунина, со стороны Таза участниками контактов были состоятельные селькупские оленеводы, кочевавшие по левым притокам тазовских верховьев (Каргачёвы, Карсамины, Киприны, Сапчины). Например, в 1908 г. братья Ефрем и Михаил Каргачёвы из Туруханского уезда Караконской волости крестили в селе Ларьякском своих детей (ГБУТО ГАТО. Ф. И. 255. Оп. 1. Д. 124: 11–13). Круг участников контактов при этом был существенно ограничен, не случайно К. Доннер писал в 1910-е гг. о случаях перестрелок между жителями Таза и Ваха на границах промысловых угодий (Доннер, 1926: 103).

В советский период по отношению к селькупам стали употреблять новые этнонимы, отличающие их от хантов-остяков. В частности, в работе Л. Н. Добровой-Ядринцевой 1920-х гг. группа Куниных, ушедшая в верховья Тольки, записана как остяко-самоеды Лариатской управы (Доброва-Ядринцева, 1925: 9, 12). Однако число «зарегистрированных» в 1920-е гг. ваховских селькупов было больше: в поселковом списке у администрации Ваховского района жители юрт Кул-Еганских были выделены отдельно как «самоеды» (ОГКУ ГАТО. Ф. Р467. Оп. 1. Д. 8: 8 об.). Упомянутый специалист Иванов, посетивший р. Вах в 1928 г., тоже заметил двусоставной этнический состав местного населения и определил их в целом как «остяков, или, вернее, остяко-самоедов» (там же: 2).

Таким образом, к началу XX в. ваховские селькупы сохранились в рамках Тымской волости как довольно консолидированная общность с численностью более 300 человек, поддерживающая ограниченные контакты с сородичами на Тазу. Элита группы в наибольшей мере сохраняла черты традиционной культуры. В глазах соседей-хантов и исследователей раннего советского времени основная часть представителей бывшей Тымской волости на Вахе представляла собой одну этническую группу с тазовскими селькупками.

Заключение

Не позднее 1740 г. почти все представители селькупской Караконской волости покинули Вах, и она располагалась уже в бассейне Таза (косвенные данные говорят, что, скорее всего, это произошло около рубежа XVII–XVIII вв.). Анализ собранной информации позволяет несколько скорректировать схему селькупских волостей З. П. Соколовой. Период относительно свободных миграций селькупов к середине XVIII в. завершился, укрепившаяся бюрократическая система и поддерживающие ее социальные отношения существенно затрудняли реформирование даже давних несоответствий реального проживания и административной принадлежности населения. Со второй половины XVIII в. на пространстве между Вахом и Тазом происходили лишь перемещения небольших групп селькупов и хантов, причем в обоих на-

правлениях. Контакты между селькупами двух бассейнов, значительно снизившись в начале XIX в., не прекращались и в начале XX в.

У существенной части ваховских селькупов в первые десятилетия XX в. сохранялась этническая идентичность. Речь идет прежде всего о тымцах, проживавших по Кулыниголу и выходявших на тазовский приток р. Толька. Некоторые из них были кочующими оленеводами, говорили по-селькупски, контактировали с тазовскими соплеменниками. В документах раннего советского времени они значились не остяками, а самоедами или остяко-самоедами. О многом говорит и то, что нареченным хозяином всей ваховской тайги в начале XX в. стал представитель именно этой группы селькупов.

Литература:

- ГБУТО** Государственный архив в Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 44; Ф. И156. Оп. 1. Д. 1413, 1687; Оп. 15. Д. 92; Ф. И329. Оп. 13. Д. 278.
- ГБУТО** Государственный архив Тюменской области. Ф. И. 255. Оп. 1. Д. 124.
- Гемуев И. Н.** Еще раз к вопросу о селькупском оленеводстве // Известия СО АН СССР. Сер. общест. наук. 1983. № 6. Вып. 2. С. 115–120.
- Гемуев И. Н.** Расселение северных селькупов // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 126–128.
- Головнёв А. В., Тучкова Н. А.** Хозяйство // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: ИТПУ, 2012. С. 64–94.
- Госархив Красноярского края.** Ф. 160. Оп. 1 Д. 164; Ф. 595. Оп. 19. Д. 6.
- Госархив ХМАО** – Югры. Ф. И1. Оп. 2. Д. 7.
- Дмитриев-Садовников Г.** На Вахе // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Вып. XXVI. С. 1–15.
- Доброва-Ядринцева Л. Н.** Туземцы Туруханского края: Опыт исследования экономического положения. Новосибирск: Издание Сибревкома, 1925. 82 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды ИЭ. М.: АН СССР, 1960. Т. 55. 662 с.
- Доннер К.** У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 276 с.
- Ишбаев М.** По следам Ларьякских экспедиций // Новости Югры. 2019. 22 апреля.
- Лебедев В. В., Соколова З. П.** Селькупы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 118–129.
- Мартынова Е. П.** Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. 236 с.
- Машаринова А. Х.** Опыт привлечения архивных материалов для атрибуции селькупских погребений XVIII–XIX веков // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Тюмень, 2022. С. 156–159.
- Напольских В. В.** Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. 268 с.
- ОГКУ Госархив Томской области.** Ф. 170. Оп. 11. Д. 1262; Ф. Р467. Оп. 1. Д. 8.
- Патканов С. К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев. Т. II. СПб., 1911. 432 с.
- Пелих Г. И.** Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. 177 с.
- Пошехонова О. Е.** Новые данные о верхнетазовских селькупах XVII–XIX веков // IV Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2015. С. 200–202.
- Прокофьева Е. Д.** К вопросу о социальной организации селькупов // Сибирский этнографический сборник. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 88–107.
- Сибирь XVIII века** в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Вып. VI. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
- Скалон В.** В тундре верхнего Таза // Советский север. 1930. № 3. С. 129–139.
- Соколова З. П.** Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 326 с.
- Степанова О. Б.** Село Толька и не только // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. 2016. Вып. 16. С. 46–66.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера.** Сб. документов. Тюмень, 1994. 320 с.
- Тучкова Н. А.** Ханты реки Ваха: вчера, сегодня, завтра // Тучкова Н. А., Тучков А. Г. Лар-ях – народ с заливных лугов. Томск: Гала Пресс, 2003. С. 7–30.
- Тучкова Н. А.** Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 2020. Т. 40. № 1–2. С. 3–414.

Адаев Владимир Николаевич.
Кандидат исторических наук, заведующий сектором.
Тюменский научный центр СО РАН, ИПОС.
Ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026.
E-mail: whitebird4@yandex.ru

Машарипова Анжела Хайрулловна.
Научный сотрудник.
Тюменский научный центр СО РАН, ИПОС.
Ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026.
E-mail: esenewka@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 7 июля 2023 г.

V. N. Adaev, A. Kh. Masharipova

BETWEEN THE VAKH AND TAZ RIVER: ON THE ORIGIN OF THE OF NORTHERN SELKUPS

The article deals with some episodes of Selkup history in the valley of the river Vakh and on the adjacent territory of the upper Taz River in the first half of the 18th century and at the beginning of the 20th century. The main topics discussed are the following: the localization of the Tymskaya and Karakonskaya volosts, their divisibility and connection with certain groups of the local population, the details of the final process of migration of the Selkup and the formation of their ethnic boundaries with the Khanty. The study is mainly based on the analysis and comparison of archival data with the material of previous historical and ethnographic publications. As a result, the research adjusted the previously assumed boundaries of the Tymsky volost on the Vakh River and the neighboring Karakonskaya volost on the Taz River. It turned out that the Selkups of the Karakonskaya volost had left the Vakh River by 1740 and were already in the basin of the neighboring Taz River. It turned out that the period of relatively free migration of the Selkups had already ended in the middle of the 18th century. Later, there were only movements of small groups of Selkups and Khanty in the space between the Vakh and Taz rivers and in both directions. Having decreased significantly in the early 19th century, limited social communication between the populations of the two river basins did not cease even after a century. A significant part of the Selkups of the river Vakh and their elite remained faithful to their ethnic identity in the first decades of the 20th century. The final rupture of ties between the Selkups of the Upper Taz and the Selkups of the Vakh and the disappearance of the community of the Selkups of the Vakh occurred in the middle of the 20th century.

Keywords: *ethnography of Western Siberia, migration, ethnicity, Tymskaya volost, Karakonskaya volost, Lyaryak*

References:

- Dmitriyev-Sadovnikov G.** Na Vakhe [On the Vakh River] // Yezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya. 1915. Is. 26. P. 1–15 (in Russian).
- Dobrova-Yadrintseva L. N.** Tuzemtsy Turukhanskogo kraja: Opyt issledovaniya ekonomicheskogo polozheniya [The natives of the Turukhansk krai: Experience in the study of the economic issue]. Novonikolayevsk: Izdaniye Sibrevkoma, 1925. 82 p. (in Russian).
- Dolgikh B. O.** Rodovoy i plemenny sostav narodov Sibiri v XVII v. [Tribal and clan structure of the Siberian peoples in the 17th century]. *Trudy IE*. Moscow: AN SSSR, 1960. Vol. 55. 662 p. (in Russian).
- Donner K.** U samoyedov v Sibiri [Among the Samoyeds in Siberia]. Tomsk: Veter, 2008. 276 p. (in Russian).
- Gemuyev I. N.** Rasseleniye severnykh sel'kupov [Settlement of the Northern Selkups]. Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Novosibirsk, 1973. P. 126–128 (in Russian).
- Gemuyev I. N.** Yeshcho raz k voprosu o sel'kupskom olenevodstve [Once again on the issue of the Selkup reindeer husbandry]. Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk. 1983. No 6. Is. 2. P. 115–120 (in Russian).
- Golovnov A. V., Tuchkova N. A.** Khozyaystvo [Economy]. Sel'kupy: Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka. Tomsk: ITPU, 2012. P. 64–94 (in Russian).
- Ishbayev M.** Po sledam Lar'yakskikh ekspeditsiy [In the footsteps of the Laryak expeditions]. Novosti Yugry. 2019. April 22 (in Russian).
- Lebedev V. V., Sokolova Z. P.** Sel'kupy [The Selkups]. Etnicheskaya istoriya narodov Severa. Moscow: Nauka, 1982. P. 118–129 (in Russian).

- Martynova E. P.** Ocherki istorii i kul'tury khantov [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow, 1998. 236 p. (in Russian).
- Masharipova A. Kh.** Opyt privilecheniya arkhivnykh materialov dlya atributsii sel'kupskikh pogrebeniy XVIII–XIX vekov [The experience of using of archival data for the attribution of the Selkup burials of the 18th–19th centuries] / Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Omsk; Tyumen, 2022. P. 156–159. (in Russian).
- Napol'skikh V. V.** Vvedeniye v istoricheskuyu uralistiku [Introduction to historical Uralistics]. Izhevsk, 1997. 268 p. (in Russian).
- Patkanov S. K.** Statisticheskiye dannyye, pokazyvayushchiye plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazyki i rody inorodtsev [Statistical data showing the tribal composition of the Siberia population, languages and clans of native peoples]. Vol. II. St. Petersburg, 1911. 432 p. (in Russian).
- Pelikh G. I.** Sel'kupy XVII veka: Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii [Selkups of the 17th century: Essays on socio-economic history]. Novosibirsk: Nauka, 1981. 177 p. (in Russian).
- Poshekhonova O. Ye.** Novyye dannyye o verkhnetazovskikh sel'kupakh XVII – XIX vekov [New data on the Upper Taz Selkups of the 17th–19th centuries]. IV Severnyy arkhologicheskyy kongress. Ekaterinburg, 2015. P. 200–202 (in Russian).
- Prokof'eva E. D.** K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov [On the issue of the Selkup social organization]. Sibirskiy etnograficheskyy sbornik. Vol. I. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. P. 88–107 (in Russian).
- Public Institution of the Tyumen Region** the State Archive in Tobolsk (GBUTO GA v Tobolske). F. И154, op. 8, d. 44; F. И156, op. 1, d. 1413, 1687; op. 15, d. 92; F. И329, op.13, d. 278.
- Public Institution of the Tyumen Region** the State Archive of the Tyumen region (GBUTO GATO). F. И255, op. 1, d. 124.
- Sibir' XVIII veka** v putevykh opisaniyakh G.F. Millera [Siberia of the 18th century in the travelogues by G.F. Miller] / Istoriya Sibiri. Pervoistochniki. Vol. VI. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996. 310 p. (in Russian).
- Skalon V.** V tundre verkhnego Taza [In the tundra of the upper Taz river]. Sovetskiy sever. 1930. No 3. P. 129–139. (in Russian).
- Sokolova Z. P.** Sotsial'naya organizatsiya khantov i mansi v XVIII–XIX vv. (Problemy fratrii i roda) [Social organization of the Khanty and Mansi in the 18th and 19th centuries. (Problems of phratry and clan)]. Moscow: Nauka, 1983. 326 p. (in Russian).
- Stepanova O. B.** Selo Tol'ka i ne tol'ko [Tolka village and not only]. Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN. 2016. Is. 16. P. 46–66 (in Russian).
- Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa.** Sbornik dokumentov [The fate of the peoples of the Ob-Irtysh North. Collection of documents]. Tyumen, 1994. 320 p. (in Russian).
- The Regional Public Institution the State Archive of the Tomsk region** (OKGU GATO). F. 170, op. 11, d. 1262; F P467, op. 1, d. 8.
- The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra** (GA KhMAO). F. И1, op. 2, d. 7.
- The State Archive of the Krasnoyarsk Krai** (GAKK). F. 160, op. 1, d. 164; F. 595, op. 19, d. 6.
- Tuchkova N. A.** Etnicheskaya istoriya i fol'klor sel'kupov: problema korrelyatsii dannykh [Ethnic history and folklore of the Selkups: the problem of data correlation]. Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. 2020. Vol. 40. No 1–2. P. 3–414 (in Russian).
- Tuchkova N. A.** Khanty reki Vakha: vchera, segodnya, zavtra [Khanty of the Vakh River: yesterday, today, tomorrow] / Lar-yakh – narod s zalivnykh lugov. Tomsk: GalaPress, 2003. P. 7–30 (in Russian).

Адаев Владимир Николаевич.

Candidate of Historical Sciences, Head of Department.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Institute of the problems of Northern Development.

Malygin str., 86, Tyumen, Russia, 625026.

E-mail: whitebird4@yandex.ru

Masharipova Anzhela Khayrullova.

Researcher.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Institute of the problems of Northern Development.

Malygin str., 86, Tyumen, Russia, 625026.

E-mail: esenewka@yandex.ru